

V. СТЕРЕОТИПЫ МИФА

V.1. Casus Tolkien: исторический миф без запрещённых приёмов

Мы так долго говорили о вреде, причиняемом историческими мифами, что встаёт законный вопрос: возможен ли вообще безвредный миф на историческом (или псевдоисторическом) материале? Да, возможен, и одного из таких авторов мы можем назвать уже сейчас. Это Джон Рональд Руэл Толкиен, или Толкин⁸⁸, которого мы не раз упоминали. Сопоставим его с авторами, о которых говорилось выше: чем же отличается миф о Средиземье от их мифов?

Прежде всего, конечно, это намерения автора. Толкиен никогда не пытался играть роль политика или хотя бы лидера неформальной группы. Под конец жизни он даже перебрался из Оксфорда в Кембридж — подальше от своих чересчур восторженных поклонников.

Более того, Толкиен не выдавал свою «Вторичную Реальность», как сам её называл, за подлинное прошлое и не противопоставлял её историческим фактам. Своё Средиземье он никогда не путал со старой Англией и читателям путать не позволял, хоть его основой и была германская и кельтская средневековая культура, в первую голову — англосаксонская. Его трилогия чётко отграничена от его же научных работ. Свои классические лекции о «*Беовульфе*», свои исследования этой поэмы (см., например: Толкин 2004), он строил без ссылок на свою «Вторичную Реальность», вторичную именно по отношению к объективному миру (см.: Толкиен 1991 {1947}). И эта черта не ускользнула и от его поклонников: московские толкиенисты заявляли в интервью, что первые намнут бока всякому, кто попытается превратить творчество их кумира в новую религию (Кириллова 1993).

Толкиен не претендовал на революцию в истории и не пропагандировал свой роман как панацею от бед человечества, а главное — с самого начала чётко обозначил его именно как *художественное* произведение и даже как *волшебную сказку* (Fairy Tale).. Возможно, поэтому он не впал в национализм, хоть и был патриотом («Некогда <...> я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд <...>; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей Англии» — Carpenter H. J. R. R. *Tolkien: Biography*, London: Allen & Unwin, 1977. P.97; цит. по: Лихачёва 1993: 93), — потому и слава у него мировая, а не узко-национальная. Проблемы же, которым посвящено наше исследование, — другого рода.

Если проанализировать его творчество по тем же 30 пунктам, что и остальных авторов нашей выборки, некоторые черты сходства будут налицо — хотя бы уже потому, что миф Толкиена построен на материале германского эпоса. Прежде

⁸⁸ Разной в правописании вызван существованием в русском языке двух способов транскрипции английских имён собственных: по написанию (Tolkien) или по произношению (['tolki:n]). В своё оправдание автор этих строк может сослаться, например, на принятую в русском языке транскрипцию имён Шекспира или Вашингтона — хотя и неверную с точки зрения фонетики, но уже устоявшуюся.

всего это, конечно, иррационализм. Толкиен опирается на католицизм, для которого неисповедимость воли Божией — аксиома, поэтому основа исторического процесса у него — замысел Бога-Творца (Эру Илуватар) и борьба против него сатаны (Мелькора), а затем его наместника (Саурона). Но всё-таки в католицизме есть сильнейшая рационалистическая традиция, представленная хотя бы схоластикой, поэтому иррационализм у Толкиена весьма умеренный — лишь настолько, насколько он вообще религиозный автор и насколько фантастична его «Вторичная Реальность».

А вот вопрос о расах уже сложнее: Толкиен называет этим словом совсем иное понятие (впрочем, сам термин у него встречается редко). Хотя все племена «*Сильмариллиона*» обладают жёстко закреплёнными признаками, но все люди — лишь одна из рас. Остальные «расы» — это эльфы, гномы и прочие существа нечеловеческой природы. Достаточно уже того, что все они эмпирически бессмертны (то есть живут вечно, если только их не убивают или они не уходят из мира по собственной воле — последнее, впрочем, дано лишь эльфам). Однако при этом возможны смешанные браки между людьми и эльфами, потомки которых способны сами избирать себе судьбу — эльфийское бессмертие или человеческую смертность (таковы родные братья Элронд и Элрос), а среди жителей Пригорья попадаются люди с оркскими чертами лица.

Таким образом, «расы» Толкиена — не физические, а психологические типы. Вот лишь один пример:

«И, слушая их пение, хоббит почувствовал, как в нём рождается любовь к прекрасным вещам, сотворённым посредством магии или искусными умелыми руками, — любовь яростная и ревнивая, влечение, живущее в сердцах всех гномов» (Хоббит, I, пер. Н. Рахмановой).

С этим связано любопытное решение вопроса о «наследственной памяти». В сущности, её заменяет память индивидуальная, хотя и разная. Достаточно вспомнить знаменитый диалог:

«Но тебя-то не назовёшь бедным и несчастным: ты не потерял самого себя — а это самая горькая потеря. В тяжёлое мгновение ты остался с друзьями — и ничем не замутнённая память о счастье будет тебе пожизненной наградой.

— Память? — с сомнением отозвался Гимли. — Спасибо тебе за добрые слова, но память — слишком холодное утешение. Ведь она лишь зеркало ушедшей жизни. Во всяком случае, так думают гномы. Для эльфов прошлое вечно продолжается, и память у них — как живая жизнь; а мы вспоминаем о том, что ушло, и наша память подёрнута холодком...» (Властелин Колец, II, 8; Толкиен 2002: 352).

Но именно люди такой памяти лишены. Напротив, только они наделены *особым даром* смертности, способной стирать тяжкие и лишние воспоминания. У эльфов такой способности нет: «Худую службу служит им их бессмертье, невозможность оглянуться на прожитую жизнь» (Муравьёв 1988: 17). Таким образом, наследственная память для Толкиена — зло, от которого он освобождает людей.

Аристократизм высших ценностей выражен у этого автора очень ярко. Достаточно указать, что Ф. Кардини (1987 {1982}: 136—137) смог использовать эпизод, в котором войско мёртвых является на помощь Арагорну, чтобы «выполнить клятву и обрести мир», для иллюстрации отдельных положений рыцарского этоса. Впро-

чем, это объясняется тем, что в основе картины мира «*Властелина Колец*» — культура раннего средневековья.

Наконец, история для нашего автора — упадок и искажение первоначального идеала. Вспомним ноту, на которой кончается «Сильмариллион»: «И если с прекрасных высот мир пришел к разоренью и тьме, то такова издревле судьба Арды Искраженной; а изменится ли что-нибудь и придет ли конец Искражению, знают, быть может, лишь Манвз и Варда; но они никому не открыли того, и не сказано о том в пророчествах Мандоса» (Толкин 1992: 284). В другом месте так же объясняется уход героев эпопеи: «кончилась мощь Трёх Колец, и мир для Перворождённых стал седым и дряхлым» (Толкин 1992: 339).

Вот, собственно, и все содержательные моменты, позволяющие сопоставить Профессора с научными или псевдонаучными мифотворцами XX века. Во всём остальном его миф иной. Толкиена нельзя упрекнуть в культурализме: у него велика роль личности. Культура у него не определяется ландшафтом — скорее напротив, ландшафт меняется в зависимости от культуры. Многочисленные описания природы у него всегда окрашены настроением героев. Нет отношения к ценностям как к иллюзиям: для религиозного автора такая постановка вопроса исключена (мы уже упоминали об этом, говоря о кн. Трубецком).

Совершенно исключена у Толкиена антигуманность. Насилие оправдано только по отношению к «лиходейским тварям» (оркам, драконам и т. п.), но это — по определению не только не люди, но даже и не подобие людей. Казалось бы, лёгкое отношение к убийству должно быть чертой воинов. Тем более показательно, что из всех авторов исторических мифов, служащих темой нашего разбора, добрый профессор Толкиен — едва ли не единственный (кроме Л. Н. Гумилёва), кто действительно воевал: в качестве английского офицера связи он в 1916 г. участвовал в битве на Сомме. Отца он потерял в 4 года, мать — в 12. Двое из его сыновей сражались во Вторую мировую войну: один — в британском флоте, другой — в авиации. И вот он-то, видевший смерть часто и вблизи, менее всего склонен к бездумной жестокости. Этому посвящено одно из ключевых мест в начале «*Властелина Колец*» (I,2):

«— Какая всё-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

— Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя. И за это, друг мой Фродо, была ему немалая награда. Недаром он не стал приспешником зла, недаром спасся; а всё потому, что начал с жалости! <... >

— Неужели же ты, эльфы и кто там ещё — неужели вы пощадили Горлума после всех его чёрных дел? Да он хуже всякого орка и такой же враг. Он заслужил смерть.

— Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им — легион. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть всё. <... > В час развязки жалость Бильбо может оказаться залогом спасения многих — твоего, кстати, тоже» (LotR, I,2; Толкиен 2002: 58).

Глубоко чужды автору рассуждения о «герое и толпе». Образы хоббитов как раз и есть художественное доказательство того, что «обывательщина» — романтический жупел. Фантазии на темы «*Старшей Эдды*» превратились у Толкиена в высокую литературу лишь тогда, когда автор, по его же рассказу, вывел на случайном

чистом листке слова: «В земле была нора, а в норе жил да был хоббит». С этого момента в мир англосаксонских рыцарей и германских богов входят современники автора — с их практицизмом, основательностью, здоровым (и чисто английским) юмором, неприятием излишнего пафоса. Лишь теперь этот мир мрачных сказаний делается человеческим, человечным. Профессор, например, сообщает:

«Мой Сэм Скрэмби целиком срисован с тех рядовых войны 14-го года, моих сотоващиц, до которых мне по человеческому счёту было куда как далеко» (цит. по: Муравьёв 1989: 12—13).

Правда, тем самым автор обрёл себя на немалые трудности: ну как заставить честного хоббита, похожего на соседей Толкиена в Оксфорде и Вустершире, с кинжалом пойти на дракона? То, как он решает именно такие задачи, и есть самые захватывающие места эпопеи. После этого можно как угодно переименовывать героев и менять местами их роли. В конце концов, ни «Хоббит», ни «Властелин Колец» — не перевод «Беовульфа» на современный язык, хотя для такого эпизода, как разговор Бильбо со Смогом и его последствия, как раз «Беовульф» (32, история с украденной чашей) и послужил основой.

При всей рыцарственности проповедуемой Толкиеном этики он не противник демократии, даже не ставит такого вопроса. Его короли — скорее из романтической сказки, нередко выборные. Сцена «Осквернения Хоббитании» — ярко антитоталитарная. Наконец, Сауну противостоит не какой-нибудь «Белый Властелин» (сама мысль о такой роли пугает Галадриэль, хозяйку эльфийского леса Лориэн), а лига свободных народов, у каждого из которых — не только свой правитель, но и своя форма правления. И эта лига основана только на добровольном согласии, она ни к чему не может принудить никого из своих членов.

Соответственно, нет и идеала державности — это не в английской традиции. Идеальный эльфийский Белерианд в пору своего расцвета разделён на десяток малых королевств. Для Нуменора расцвет державной мощи, завоевания — это эпоха не только упадка, но и глубокого извращения духовных основ цивилизации. Следующие два отрывка кажутся продолжением один другого:

«Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворившись в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они [жители Атлантиды] оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила» (Платон, Критий 121b).

«Так угасало блаженство Западного Края; но мощь его и блеск всё возрастали <...>. В те времена нуменорцы основали на западном побережье древних земель первые большие поселения; ибо их родной край казался им тесен, и не находили они там ни радости, ни покоя, а поскольку Запад был недоступен, они возжелали богатств и власти над Средиземьем. Возвели они надёжные гавани и мощные крепости и во множестве поселились там; но из помощников и наставников превратились в господ и собирателей дани» (Толкин 1992: 294).

В Третью Эпоху державная мощь — идея-фикс Сауна, против которого как раз и борются любимые герои автора. Финал эссе Муравьёва:

«Вернее всего, пожалуй, так: это книга о природе власти, которая хочет быть властью над человеком, власти безнравственной и порабащающей, основанной на лжи и насилии. Духовная капитуляция перед такой властью и всякая ей сопричастность растлевают и губят человека. Общие нравственные законы существования человечества непреложны. Человеческое достоинство — главное достояние человека, и нужно отстаивать его до конца любой ценой, в любых обстоятельствах. И конечно же, книга “в особенности о хоббитах” — о том, как мистер Пиквик, он же Фродо Торбинс, и его верный слуга Сэм Уэлер, он же Сэммиум Скромби, оказались главными и роковыми противниками Саурона Великого, самозваного властелина мира сего» (Муравьев 1988: 27).

История у Толкиена не сводится к борьбе народов — скорее к религиозной борьбе (учитывая образы Мелькора и Саурона). Нет призывов к этнической сегрегации: напротив, весь пафос и «*Сильмариллиона*», и «*Властелина Колец*» — в сотрудничестве всех сил доброй воли. Нет индульгенции для избранных: каждый отвечает сам за себя. Судьба Феанорингов показывает, что и эльф, совершающий преступления, для Толкиена виновен.

Об отношении Толкиена к антисемитизму не оставляет сомнений такой случай. В 1938 году потсдамское издательство «*Рюттен & Леннинг*» решило выпустить немецкий перевод только что вышедшего «*Хоббита*». Книга хорошая, дух германских мифов заметен... Но по тогдашним германским законам нужна была формальность — справка об арийском происхождении автора. Её и запросили.

Профессор ответил на запрос в классическом стиле Свифта — «дикая ирония пополам с ледяной издёвкой». Меньше чем на странице он разъяснил адресатам, что поборники «арийского духа» даже не понимают, что вообще значит слово «арийский»; что евреем он не является — «к моему сожалению»; что сам он — добрый англичанин и в качестве такового сражался в Первую мировую; что он всегда гордился своей немецкой фамилией, но теперь как бы она не перестала быть поводом для гордости; и вообще — или книга хороша, и тогда неважно, кто автор, или он, Толкиен, не играет в такие игры. После этого ответа перевод «*Хоббита*» не только не вышел, но и имя его автора было запрещено к упоминанию в германской прессе (Толкиен 1991 а). К немецкому читателю «*Хоббит*» пришёл лишь двадцать лет спустя — уже в освобождённую Германию.

Больше того, историю эльфов можно рассматривать как Ветхий Завет толкиеновского мира, а историю их междоусобиц и войн против тёмных сил в «*Сильмариллионе*» — как его книги Царств. Мне уже доводилось писать об этом подробнее (Мосионжник 2003—2004: 371—373).

Как добрый католик, Толкиен признаёт сатану (Мелькора) и его наместника (Саурона), а это избавляет его от поиска всяких антисистем. Орки, правда, враждебны всему миру и даже друг другу, но они-то как раз лишены собственной целенаправленной воли и способны только подчиняться.

Наконец, хотя в мире Толкиена красота — ценность высокого ранга, но нет эстетизма, оправдывающего поступки *только* их красотой.

Так обстоит дело с чертами, касающимися *содержания* мифа. Что же до его *методологии*, заметим сразу же: не всякое сравнение здесь может быть корректно. Ведь Толкиен не настаивал, что его вымысел реальнее самой Первичной Реальности (термин предложен им же — Толкиен 1991), свои произведения он сам обозначил именно как литературные, и в своих научных трудах (см., например, Толкиен

2004) не обращался к своему вымышленному миру. А раз так, то и большинство вопросов по методологии в его адрес неуместно.

Так, под редактированием фактов мы до сих пор понимали их искажение с целью обмана читателя (или самообмана автора — к этому может вести и небрежность). Но художественный вымысел — не обман (поэтому незабвенный барон фон Мюнхгаузен, земляк прадеда Толкиена, — фантазёр, но не обманщик). И когда Профессор сообщает «об **Акаллабет**, Падшей Земле, в наречии эльфов **Аталантэ**» (Толкин 1992: 312) — явный намёк на Атлантиду, — читатель не заблуждается. Как не думает он, что слова Пушкина: «С ним подружился я в то время» (Евгений Онегин, I, XLV) — говорят о реальном существовании Онегина.

Правда, это случилось не сразу. Несколько раз Толкиен пытался как-то увязать свой миф с реальной английской историей. То Средиземье оживает в наследственной памяти нескольких современных англичан, то вступает в силу реинкарнация — так появились неоконченные романы «*Утраченный путь*» (*The Lost Road*, LR) и «*Записки клуба "Мнение"*». В самой первой версии, в «*Книге Утраченных Сказаний*», весь рассказ был записан и переведён англосаксом из Уэссекса (подробнее см. Лихачёва 1993). Однако все эти рамочные рассказы и прочие увязки оказались неубедительными⁸⁹. Это понял и сам автор, и издательство «*Аллен & Анунин*», отклонившее «*Утраченный путь*» как не представляющий художественной ценности. И в последнем варианте Профессор исключил как раз то, что для претендентов на авторство Мифа составляло смысл всей работы: **полностью устранил всякую привязку к реальной отечественной или мировой истории**. Дух старой Англии — да, он остался незримо витать на заднем плане, как дух Божий над водами (Быт. 1:2). А упоминания о Хенгисте и Хорсе, о скандинавских богах, отождествляемых с Манвэ и Тулкасом, намёки на то, что остров Тол Эресэа и есть Англия, а эльфийский Кортирион — реальный Уорик (Лихачёва 1993: 103—104), — всё это ушло.

Это означало не просто иное раскрытие замысла, чем у романтиков-«патриотов», творцов «удобного прошлого», но принципиально иную его суть. Толкиен с самого начала не создавал новую религию: он был ревностным католиком (для англичанина это то же, что для СССР — диссидент) и никогда в жизни не поступался своим католицизмом. Теперь же исключалось и «историческое» мифотворчество как замена реальной истории. Сослаться на то, что-де Толкиен был культурным англичанином, и этим сказано всё, — недостаточно. Английская история начинается с мифа Ненния о Бруте, брате Энея, и его троянцах, основавших Лондон. В этой легенде нет смысла искать рациональное зерно: вся она написана в подражание Вергилию. Но Гальфрид Монмутский придал ей классический вид, да сверх того превратил нормандское завоевание в возмездие англосаксам за страдания бриттов. В эту сказку верил ещё Р. Холиншед, у которого Шекспир брал многие свои сюжеты («*Король Лир*», «*Кимбелин*»). Так что дело не в английской почве, а в авторском замысле.

⁸⁹ Тем не менее попытки искусственно связать мифологию Толкиена с буквально понятой «реальностью» продолжались даже после смерти автора. Самую любопытную из них предприняла советская переводчица З. А. Бобырь, стремившаяся придать «*Властелину Колец*» видимость научной фантастики (действие переносится на другую планету, а волшебные предметы получают физическое истолкование), чтобы обойти советскую цензуру. Попытка оказалась неудачной, в таком виде перевод не вышел. См. об этом: Семёнова 1997.

Нет у Профессора ни претензий на перестройку науки (например, на отказ от эксперимента), ни личной нескромности. Одному из своих адресатов он признавался: «Я никогда не считал свои произведения шедеврами, никогда не верил в их исключительность, и даже теперь, когда они, к немалому моему удивлению, получили такое признание, я по-прежнему полагаю, что произошла какая-то ошибка, и по-прежнему не слишком склонен выставлять на всеобщее обозрение мир, сотворённый моим воображением» (Толкиен 2003: 517, из письма К. Килби). Нет редактирования смыслов (не тот жанр). Вообще нет определений, претендующих на научность. Определения фантастических терминов есть, но не противоречат правилам формальной логики. Нет вероятностной логики — она была бы уместна лишь при описании Первичной Реальности. Нет никаких ссылок — в художественном тексте они и были бы неуместны. Нет попыток притянуть к роману физику, математику или синергетику. Правда, в поздние годы Толкиен иногда задумывался о совместимости его картины Творения и научной астрономии (в «*Преобразованных мифах*», 2), но он бесконечно далёк от того, чтобы объяснять свой мир с точки зрения математики или общей теории систем.

Особый вопрос — о роли филологии в сочинениях Профессора. Филология Толкиена — это фонологический эксперимент, но не подделка. Его мир создан словом (ср.: Иоанн 1:1), и его опыт в области модельной лингвистики (изобретение искусственного языка, завоёвывающего популярность собственными силами) говорит сам за себя.

Ещё будучи оксфордским студентом-филологом, Толкиен увлекался не только изучением, но и изобретением языков. Его привлекала фонология, соответствие между звучанием и смыслом слова. Сам он вспоминал, что строками, которые его поразили и стали началом его мифотворчества, был отрывок из англосаксонской поэмы Кюневульфа «*Христос*». Это было обращение к Деннице, названной тут «*Эарендель*» — «сияющий свет»:

Eala Earendel, engla beorhtast,
ofer middangeard monnum sended,
and so faesta sunnan Ieoma
torht ofer tunglas, u tida gehwane
of sylfum e symie inlihtes!

(“Привет тебе, Эарендель, светлейший из ангелов, посланный к людям над Средним миром, истинный свет солнца, сверкающий ярче звезд, которым ты даришь свой огонь!” — Лихачёва 1993: 99, перевод С. Лихачёвой).

Далее вступил в силу закон, о котором сам Дж. Р. Р. говорил в 1931 г. в своей оксфордской лекции «*Тайный порок*»:

«В частности, я полагаю, что для создания совершенного воображаемого языка нужно хотя бы в общих чертах разработать сопутствующую ему мифологию. Не только потому, что любые поэтические примеры должны принадлежать некоей традиции, более или менее развёрнутой, но и потому, что созидание языка и сотворение мифологии — взаимосвязанные процессы; чтобы придать индивидуальность своему языку, его нужно ввести в ткань определённой мифологии: индивидуальной, но не вступающей в противоречие с общими принципами человеческого мифотворчества, точно так же, как и звучание слов, характерное для вашего языка, должно оставаться в пределах естественной человеческой, и даже,

наверное, европейской, фонетики. А кроме того, истинно и другое: создавая язык, вы неизбежно получите мифологию» (Толкиен 1998).

А он-то ещё утверждал, что не отличался «отчаянной храбростью» своих предков (Лихачёва 1993: 91)! Ведь именно так — «отчаянно храбрый» — переводится с немецкого исходная форма его фамилии: Tollkühn. Для человека, прослужившего четыре месяца на передовой во время битвы на Сомме и покинувшего фронт только из-за тяжелейшего окопного тифа, это чересчур скромно. Ведь в английской истории Сомма — то же, что в нашей Сталинград или штурм Берлина. А уж чтобы обнаружить перед университетским истеблишментом свой «тайный порок» — «детскую» страсть к сочинению вымышленных языков, — нужна была, наверное, храбрость не простая, а именно отчаянная.

Вклад Толкиена в модельную лингвистику оказался весомым. Только в России и только до 2000 г. было защищено не менее пяти диссертаций об этом авторе (Кошелев 1983; Лузина 1995; Кабаков 1999; Лихачёва 1999; Штейнман 2000) — все на степень кандидата филологических наук.

Разумеется, языковая игра не ограничивается искусственными языками. Многие имена и географические названия в романе рассчитаны на ассоциации по созвучию. Так, «падшая земля Аталантэ» — явная отсылка к Атлантиде. Имя Эарендила взято прямоком из уже процитированной поэмы Кюневульфа. Изенгард (немецкое *Eisen* 'железо' + исландское *garðr* 'ограда, город') не только по названию, но и по предназначению, и даже по планировке напоминает «Стальной город» (Штальштадт) в повести Жюль Верна «Пятьсот миллионов бегумы». Имя Фродо встречается в «Старшей Эдде» (*Песнь о Гротти*) и в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика — у него так зовут четырёх легендарных датских королей (Sax. Gram. *Gesta Danorum* II.1; IV.8; V; VI.4). В частности, особенно выделен у Саксона Фродо III Фредегод («Друг Божий»), создавший основы датской государственности: ему посвящена вся VI книга. Имена гномов и даже самого Гэндальфа взяты из «Старшей Эдды» — а конкретно из «Прорицания вёльвы» (10—16). Но поскольку эпопея Толкиена — не история, а роман, то никто и не утверждает: мол, текст Эдды искажён, а истина — вот она!

И, наконец, нигде Профессор не предлагает своего понимания истины — иного, чем в науке. Её место занимает художественная убедительность, что в литературе — не грех. Вечны лишь ценности, остальное — откровенная сказка. А ценности у Толкиена — привычные, христианские. Во время споров вокруг его романа он довольно легко соглашался с любой критикой, кроме одной: его задевали до глубины души любые намёки на отступление от католической морали.

«"Единственный упрёк [в адрес 'Властелина Колец'], который раздражает меня, — писал он своим американским издателям Houghton Mifflin Co., — это утверждение, будто 'там нет религии'... Там — монотеистический мир 'естественной теологии'. Столь необычный факт, как отсутствие там церквей, храмов, религиозных ритуалов и церемоний — всего лишь особенность конкретных исторических обстоятельств, описанных в книге". А в письме к о. Роберту Мюррею он объяснял: "Конечно, 'Властелин Колец' — труд глубоко религиозный и католический: это не совсем очевидно на первый взгляд, но ощутимо при повторном прочтении. Вот почему я не оставил в воображаемом мире практически ничего, что могло бы как-то соотноситься с 'религией', т. е. с культом и религиозной практикой: ведь ре-

лигиозный элемент входит непосредственно в ткань самого повествования и в его символику»» (Прохорова 1997: 156).

Итак, уже в силу одного того, что миф Толкиена претендует не на *историческую*, а только на *художественную* ценность, все методологические упреки в его адрес оказались неуместными.

V.2. Количественный анализ

Итак, мы рассмотрели восемь концепций, содержащих признаки исторического мифа, и проанализировали их по 30 параметрам, из которых 20 относилось к содержанию мифа, а 10 — к методологии построения. Для наглядности сведем полученные результаты в таблицу. В каждой графе 1 означает наличие указанного признака, 0 — его отсутствие, 0,5 — слабую выраженность (то есть автор отдаёт некоторую дань соответствующей идее, но не кладёт её в основу своих построений). Для ещё большей наглядности полученные данные представлены на диаграммах 1—3.

Таблица 1

№ п/п	Пункты сравнения	А. Розенберг	Л. Н. Гумилёв	кн. Н. С. Трубецкой	О. Шпенглер	А. Дж. Тойнби	В. Н. Дёмин	Г. Вирт и «Ура Лилда»	Дж. Р. Р. Толкиен	Всего авторов
А. Содержание мифа										
1	Иррационализм	1	1	1	1	1	1	1	1	8
2	Расизм	1	1	1	0	0	1	1	0	5
3	Психологические различия между этносами	1	1	0	1	0	0	1	1	5
4	«Генетическая память»	1	1	1	0	0	0	1	0	4
5	Культурализм	1	1	1	1	1	1	1	0	7
6	Влияние ландшафта на культуру	0,5	1	1	1	0	1	1	0	5,5
7	Психологизм на популяционном уровне	1	1	1	1	1	0,5	1	1	7,5
8	Иллюзорность ценностей	1	1	0	1	0	0	0	0	3
9	Аристократизм	1	1	1	1	1	0	1	1	7
10	Антигуманность	1	1	0	0	0	0	0	0	2
11	Проблема обывателей	1	1	1	1	0	0	0	0	4
12	Инволюционизм	1	1	0	0	0	1	1	1	5
13	Антидемократизм	1	1	1	1	1	0	0	0	5
14	Державность	1	1	0	1	0	0	0	0	3
15	Ист. этноцентризм	1	1	0	0	0	0	1	0	3
16	Этническая сегрегация	1	1	0	1	0	0	1	0	4
17	Индальгенция для избранных	1	1	0	0	0	0	0	0	2
18	Идеологический антисемитизм	1	1	0	0	0	0	0	0	2